

Петр Алешкин

Богородица

Роман

Петр Алешкин
Богородица. Роман

«Издательские решения»

Алешкин П.

Богородица. Роман / П. Алешкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833510-5

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В романе «Богородица» показана земная жизнь Божией матери от Рождения до Успения. В книге читатели встретятся со многими знакомыми ему по Новому завету героями от Иисуса Христа и его апостолов до Понтия Пилата.

ISBN 978-5-44-833510-5

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Рождение Богоматери	6
1	7
2	9
3	12
4	15
5	18
6	20
Введение во храм	21
1	22
2	24
3	26
4	28
Обручение	30
1	31
2	33
Благовещение	35
1	36
2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Богородица
Роман
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3510-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождение Богоматери

1

С печалью в душе собирался Иоаким на радостный праздник Кушей. Щедрые дары Господу были приготовлены с вечера. Иоаким хотел выйти из Назарета в Иерусалим на рассвете, один. Знал, что насмешливый Анамеил, бедный, завистливый и говорливый, если встретит его по дороге в город, не удержится, начнёт подшучивать, переиначивать слова первосвященника Рувима, который полгода назад на Пасху в сердцах сказал, что не примет больше даров от Иоакима, мол, грешен он пред Господом, недостойн приносить ему жертву.

«Какие у меня грехи? – думал Иоаким, закрепляя ремнями поклажу на спине осла во дворе своего дома. – Чем я грешен пред Господом? Вся моя жизнь прошла на глазах назарейян. Кого я обманул хоть однажды? Разве не был я щедрым с бедными и страждущими? Кого обижал? Нет таких. И Анна (жена) ... Кто может назвать её жизнь неправедной? Разве не была она кроткой и справедливой все свои пятьдесят лет?» Всплыло в памяти, как Анна вчера утром сердито крикнула на служанку Девору, осадила её. Ах, Девора, Девора! Слишком она шаловлива, слишком остра на язык, несдержанна. Анна не один раз говорила ему, что заменит служанку, но всякий раз передумывала. Девора не только была хороша собой, но и хороша в работе. Лучшей помощницы по дому Анне не найти.

Второй осёл, молодой, нетерпеливый, уже подготовленный к пути, вдруг вытянул шею и закричал громко, тонко, словно радуясь предстоящей дороге в Иерусалим, радуясь будущим новым впечатлениям. Коза, крупная, упитанная, предназначенная для жертвы Господу за невольные прегрешения Иоакима, вскинула голову и грустно, беспокойно посмотрела снизу вверх на хозяина. Тот озабоченно, быстро окинул взглядом светлеющую от утренней зари улицу Назарета, над которым устало застыла тускнеющая половинка луны. Улица пустынна. Иоаким похлопал легонько по вытянутой напряжённой шее кричащего осла. Тот опустил голову, бойко тряхнул ушами и весело взглянул на хозяина большими умными глазами.

– Ах, ты! – потрепал его по прохладной жёсткой шерсти загривка Иоаким. – погоди, намаешься за три дня пути. Посмотрю я, как ты будешь веселиться перед Иерусалимом.

В тёмном проёме двери дома показалась служанка Девора. В руках у неё была аккуратно свёрнутая в рулон шкура ягнёнка, которая могла служить подстилкой для отдыха или ночлега в поле или накидкой во время стужи или дождя. Девора быстро, легко соскочила по каменным ступеням к Иоакиму и протянула ему шкуру, говоря:

– Ты забыл...

– Лишнее в дороге, – ответил Иоаким. – Жаркие дни предстоят...

Выражение лица его осталось прежним, серьёзным, озабоченным долгой дорогой в храм, но сердце отозвалось теплотой на заботу служанки. Добрая душа у Деворы. Эту шкуру она выделала своими ловкими руками. Шкура была тонка, невесома. У Анны ни разу не получалась шкура такой лёгкой и мягкой.

Вслед за служанкой из дому вышла Анна. Лицо у неё так же, как и у мужа, озабоченное, задумчивое, грустное и какое-то блёклое. Морщины на лбу при тусменном лунном предутреннем свете кажутся особенно глубокими. А когда-то, более тридцати лет назад, в первые годы жизни Анны в доме Иоакима, лицо её было таким же молодым, чистым, смуглым от солнца, как у Деворы. Только Анна была скромна, молчалива и ровна. Никто не мог назвать её шаловливой или лёгкой на острое слово.

«Может, если бы Анна была бойка и проказлива с молоду, у нас были бы дети!» – промелькнуло в голове Иоакима, когда он отвечал Деворе, взглянув на выходящую из дому Анну. Иоаким испугался своей мысли и вскинул на миг голову к небу, быстро, со стыдом произнёс про себя: «Господи, прости меня грешного!»

Анна слышала разговор Иоакима со служанкой и, видя, что он отказывается от шкуры ягнёнка, сказала ему, спускаясь по ступеням:

– Бери, бери, ночи уже холодны. Неведомо где в пути ночевать придётся.

Иоаким засунул шкуру под затянутый ремень на спине осла рядом с тугими мехами с вином для жертвы возлияния, расправил шкуру, чтоб лежала удобнее и не выскочила по дороге, и повернулся к Анне. Она не могла скрыть от Иоакима своей грусти и тревоги. Анна знала, почему муж её так рано и в одиночестве отправляется в Иерусалим. Знала об угрозе первосвященника Рувима не принять дары Господу от грешного человека. Знала, что не только галилеяне, но и весь народ Иудеи считает позором бесчадие семьи, считает, что семьи, где нет детей, невзлюбил Господь за их грехи. Анна считала себя виновной за бездетность, но сколько ни перебирала она в памяти свою жизнь, не могла отыскать грешные поступки, дела и мысли, за которые мог наказать её Господь.

– Иоаким, зачем ты идёшь так рано? – спросила Анна. – Дождался бы Иосифа. Он идёт в храм со старшим сыном. Вместе веселее было бы.

Иосиф, дальний родственник Иоакима, плотник, жил на окраине Назарета, там, где были жилища бедняков.

– Соберётся ли Иосиф – не известно. У него жена больна, – ответил Иоаким.

– Что с Саломией?

– Животом мается. Ослабла совсем. Иосиф говорит, третий день не встает.

– Господь всемилостивый, помоги ей и помилуй, – взглянула на светлеющее небо и подняла руки вверх Анна, потом подошла к Иоакиму. – Как ты решил: пойдёшь по равнине Изреель или по Иерихонской пустыне?

– Через Иерихон.

Анна обняла мужа, прижалась щекой к его курчавой бороде с жёсткими волосами, которые при предрассветном лунном свете тускло отливались червлёным серебром. «Почти совсем седые, – печально погладила Анна бороду Иоакима. – А так недавно волосы и в бороде и на голове отливали иссиня-черным вороньим крылом».

2

Иоаким грустно шагал рядом с ослom, придерживаясь рукой за ремень, которым была привязана поклажа на спине осла. Следом, бойко и весело помахивая головой, то пытался бодро бежать молодой осёл, то приостанавливался, отвлекшись на что-то на обочине дороги, тогда верёвка, которой он был привязан к размеренно идущему впереди ослу, натягивалась, дёргала его за шею, и он снова бегом догонял спокойного осла. Коза, привязанная за рога к молодому ослу, вынуждена была идти рывками и изредка недовольно вскрикивала. Иоаким не обращал внимания на крики козы, ритмично, сосредоточенно постукивал посохом о сухую каменистую дорогу. Он видел, что совсем рассвело, видел, что солнце, робко выглянув из-за пологих холмов, осветило гору Фавор, возвышавшуюся слева, но никак не отмечал это в своём сознании. Не замечал привычные для его глаз виноградники на склонах гор Гельвуй и Кармил, оливковые рощи с потемневшими листьями в долине Ездрилонской, жёлтые поля с убранный пшеницей, не смотрел в сторону Великого (Средиземного) моря, скрытого в утренней голубой дымке.

Когда солнце поднялось высоко над горой Фавор, после селения Ендор одиночество Иоакима закончилось. Появились попутчики, которые, как и он, направлялись в Иерусалим. То он обгонял кого-то, то его обгоняли. Знакомые приветствовали Иоакима, он отвечал, старался не показать им своей грусти, беспокойства.

Ночевал он возле источника у подножья горы на зелёной лужайке возле густых кустов тамариска и дафны. Выбрал место под лавровым деревом, там, где трава ещё не пожухла, зеленела. Снял поклажу с ослов. Молодой стоял смирно, дышал тяжело, быстро. А старый был также спокоен, как утром. Будто и не было у него долгих часов пути. Иоаким привязал их к лавровому дереву так, чтобы они могли пастись на лугу и пить воду из ручья. Коза и старый осёл сразу же, как их оставил в покое Иоаким, уткнулись в траву, а молодой осёл угрюмо побрёл к воде. Но Иоаким попридержал его за верёвку, остановил, приговаривая и легонько шлёпая по шее ладонью:

– погоди, охолони! Успеешь, напьёшься. Вода от тебя не убежит.

Неподалеку от дерева, под которым Иоаким свалил поклажу с ослов, остановилось несколько галилеян, видно, две-три семьи. Пожилые стали развьючивать ослов, а молодые шумно направились к кустарникам. Они нарубили веток, сделали кущи (шалаш), развели костёр и до глубокой ночи шумели и веселились. Почти до рассвета мелькали их тени у костра, доносились радостные возгласы.

На третий день пути, когда показалась вдали гора Елеонская, забелели среди масличных деревьев дома Вифании, дорога заполнилась людьми, торопящимися на праздник Кущей. И все либо несли и везли на ослах зерно, муку, масло, вино, ладан, либо вели с собой животных в жертву Господу. Те, кто победней, шли налегке, несли в жертву Господу горлиц и голубей. Но все были веселы, с радостным возбуждением приближались к Иерусалиму, предвкушая радостные семь дней в кругу друзей и знакомых. Праздник Кущей, установленный в честь сорокалетнего странствования евреев по пустыне Аравийской после избавления от плена египетского, был одним из трёх великих Иудейских праздников. И был он самым радостным из них. К этому дню все плоды земные убраны с полей и садов, народ освободился от тяжкого труда в полях и садах, мог отдохнуть, повеселиться.

Иоаким ночевал в Вифании у давнего знакомого своего Ахаза, который всегда покупал у него овец. Рано утром вместе с ним направился в Иерусалим, чтоб одним из первых прийти в храм, принести жертву. Ахаз взял с собой годовалого овна.

Спускались с горы Елеонской к раскинувшемуся внизу Иерусалиму среди возбуждённого предстоящим празднеством народа, среди шума, шуток, радостных возгласов. Ахаз пытался

разговорить Иоакима, но тот отвечал односложно, неохотно. О покупке овец они ещё вечером договорились, тогда же рассказал Иоаким Ахазу об Анне, о стадах своих, которые приумножились весной, о пастухах. И теперь все мысли Иоакима были о первосвященнике Рувиме, об угрозе его. Прежний первосвященник, умерший в прошлом году, был сердоболен, добр, не напоминал Иоакиму о его бесчадии. А Рувим горяч, строг, жестокосерден. Забыл ли он о своих словах? Неужто опять при всех вспомнит о его бездетности? Неужто опять будет корить, ругать за неведомые грехи? На душе у Иоакима от таких мыслей было тревожно. Весь долгий путь тревога не оставляла его. И в Иерихонской пустыне, и на берегу Иордана, и в скалистом ущелье, и здесь пред лицом Иерусалима на горе Елеонской, когда уже виден храм, тревога жгла душу. Иоакиму казалось, что все, кого он встречал по пути, с насмешкой думали о нём, спрашивали себя, зачем он, Иоаким, идёт в храм, ведь жертву его первосвященник не примет. Думал так и тогда, когда его радостно приветствовали знакомые, расспрашивали об Анне, о приплоде в стадах. Ему казалось, что расспрашивают об Анне, о приплоде с умыслом, с намёком, с тайной усмешкой, мол, стада плодятся, а жена бесплодна.

– Иоаким! – вдруг услышал он возглас и поднял голову, обернулся. Оглянулся и Ахаз. Их догонял Анамеил, бедный, но насмешливый назарейнин, который всегда подшучивал над Иоакимом. В руках у него была клетка с голубем. – А ты зачем здесь? Зачем проделал такой тяжкий для твоих лет путь? – громко и удивлённо спросил Анамеил.

Иоаким молча отвернулся от него и пошёл дальше. Прохожие стали оглядываться на них, прислушиваться. Заметив внимание народа к его словам, Анамеил продолжил насмешливо:

– Стареешь ты, Иоаким, на глазах стареешь. Память совсем ослабла. Зачем ты козу ведёшь? Отдай мне и возвращайся назад. Разве ты забыл, что Рувим говорил тебе на Пасху? Не примет...

– Закрой дверцу у клетки! – резко перебил Анамеила Ахаз. – Голубь улетит!

Анамеил поднял клетку с голубем к своему лицу, взглянул на дверцу.

– Закрыто.

– Не туда смотришь! – засмеялся один из прохожих, молодой человек с короткой чёрной бородой, идущий рядом со своим ослом. Смех его подхватили другие.

Анамеил опустил глаза на свою одежду и запахнул её.

– На праздник идёшь, – строго сказал ему Ахаз. – Хотя бы дыру зашил!

Анамеил отстал.

– Ты этим шутникам отпор давай, – взглянул Ахаз на Иоакима. – Они это не любят. Видишь, отстал сразу.

– С ними только нагресишь больше, – вздохнул Иоаким.

Они вошли в ворота Иерусалима и направились к храму, где пред дверями святилища было ещё немного народу с жертвенными животными. Ахаз и Иоаким оказались среди первых. Иоаким выпростал из тряпок аккуратно завёрнутый в них острозаточенный нож, глядя сосредоточенно, как первосвященник Рувим, седобородый, сильный, строгий, одной рукой держит сосуд перед разверстой ножом шеей агнца, из которой обильно льётся в него алая кровь, а другой рукой макает в сосуд ветвь иссопа и кропит кровью жертвенник и роги кадильного алтаря. Кровь заколотого агнца иссякла, и Рувим уверенным привычным жестом выплеснул кровь из сосуда к подножью жертвенника всесожжений, а приносящий жертву с удовлетворённым лицом потащил в сторону обмякшего агнца, чтоб содрать с него шкуру. Иоаким подтянул за рога к жертвеннику упирающуюся ногами в землю козу и возложил одну руку на её голову между рогами, а другой, с ножом, приготовился заколоть жертву после краткой молитвы первосвященника. Рувим со строгим благоговейным лицом воздел руки к небу, глянул на содрогнувшегося от его взгляда Иоакима, опустил руки. Благоговейное лицо его стало жёстким.

– Это ты, Иоаким? – спросил он строго. – Разве я не говорил тебе, что жертва твоя не угодна Богу? Может, Анна твоя кормит грудью младенца, а я не знаю об этом? Почему ты молчишь? Почему не радуешь меня?

Иоаким стоял, опустив голову, перед первосвященником в зловещей тишине. Слова Рувима топором секли по его седому затылку.

– Для чего твои дары Господу, если ты не принёс чад Израилю? – громыхал голос Рувима. – Не нужна твоя жертва Господу! Уходи! – указал рукой первосвященник на выход из храма.

– Иди, иди, не задерживай, – раздался возглас из толпы позади Иоакима.

Он понуро, побито повёл свою козу к воротам. Стыд, позор жгли сердце Иоакима.

– Иоаким, подожди меня, – услышал он позади голос Ахаза, но не оглянулся, не приостановился, вышел из храма, не глядя на людей.

Куда идти? Что делать? Куда спрятаться от позора? Что сделал бы на его месте предок Давид? Нет, ни Давид, ни Соломон не могли оказаться на его месте. Авраам? Да, Авраам почти до ста лет не имел детей. Сарра, жена его, до девяноста лет была бесплодна. До девяноста! А Анне всего пятьдесят. Разве вышли её сроки? За что, почему наказывает их Господь? Где и в чём они нагрешили? Господи, услышь меня, подскажи, что делать мне? Намекни, дай знамение, направь на путь истинный! Укажи, в чём мои прегрешения! Помилуй меня, прости за грехи невольные!» С такими мыслями брёл Иоаким с козой мимо стены храма. До него доносился возбуждённый шум народа, блеяние овец, женские вскрики, смех. «Для всех великий праздник, а для меня день слёз, день скорби... Господи, за что мне это!» Возле небольшого узкого входа он приостановился, подумал, вошёл во двор и направился к низкому зданию с плоской крышей, где хранились родословные таблицы двенадцати колен Израилевых. Он решил узнать, что делали люди, когда оказывались в его положении.

Полдня провёл Иоаким в прохладной комнате, изучая таблицы. Все, все благочестивые люди имели потомство, даже столетний Авраам родил сына, и только он, один он, Иоаким, был бездетен. Скорбь, тягучая скорбь обволокла сердце и сдавливала его всё сильнее и сильнее. «Не вернусь в Назарет... Раз отвержен я Господом, значит, незачем мне видеть людей, незачем выслушивать их насмешки. Уйду в пустыню. Буду поститься, молиться Господу. Там и закончу дни свои!»

Козу он оставил хранителям родословных таблиц и побрёл в Вифанию, к Ахазу. Хозяин ещё не вернулся из Иерусалима. Иоаким не стал ждать его, навьючил свою поклажу на ослон и направился в пустыню, туда, где паслись его стада.

3

Через три дня, поздним вечером Иоаким остановился на склоне горы. У источника, куда он направлялся и где хотел сделать кущи, горел костёр, виднелись возле него три тёмных тени. Это были пастухи его стада, которое смутно угадывалось за костром. Оттуда изредка доносилось спокойное блеяние овец.

Иоаким развьючил ослон, сложил под выбеленным лунным светом морщинистым стволом дуба не принятые Рувимом дары Господу: ладан, соль, зерно в мешках из овечьих шкур, вино в козых мехах, и долго молился под шелест цикад, просил Господа помиловать душу его за грехи невольные. Потом расстелил на земле мягкую шкуру ягнёнка, выделанную Деворой, подложил под голову мех с вином, медленно, устало прилёг на спину. И снова всплыли в голове тяжкие вопросы: почему именно его наказал Господь бесчадием.

Совсем низко над землёй мигали крупные звёзды. Иоакиму показалось, что некоторые из них застряли в листьях дуба, застывших, светлых от мерцающего сияния. Мелкие звёзды тонули, растворялись в туманном лунном свете, лишь изредка на миг остро выглядывали из бледной пелены и снова укрывались в ней. Камешек под шкурой остро впивался Иоакиму в спину. Он приподнялся, выковырнул из земли под шкурой камешек и отбросил его в сторону. Услышал на миг доносившееся из селения в долине глухое мычание коровы, горькие стоны осла, оживлённый голос старшего пастуха Сафара у костра, тонкий юный смех пастушонка и слитный, привычный стрекот цикад.

Пастух Сафар работал у него пятый год. Был он сильный, рослый, с густыми рыже-вато-русскими выгоревшими на солнце кудрявыми волосами на голове и редкими на бороде, загорелый до черноты. В юные годы Сафар заболел морем. Стал моряком, плавал с торговцами в дальние страны. Но вскоре понял, что в море не найти ему счастья. Он любил поговорить, ловко рассказывал разные истории. Знал он их множество. Некоторые, видать, услышал в своих морских путешествиях, другие, как догадывался Иоаким, он выдумал сам и рассказывал для того, чтоб позабавить слушателей. Назаряне охотно слушали их, ахали при особенно неожиданных приключениях. Видно, и теперь, по словам, долетающим от костра – «львы, козлы», Сафар рассказывает пастухам, как в большом океане на одном острове живут люди с львиными головами, а на другом – с козлиными. Люди-львы почему-то смертельно боятся людей-козлов. Изредка козлы, захватив какой-нибудь причаливший к их острову корабль, переплывают на нём на остров львов и начинают бесчинствовать. Ничего ужасней нападения козлов для львов не было. Они прятались в горах, в пещерах. Сафар рассказывал, как он сам однажды принимал участие в спасении львов. Их корабль причалил к львиному острову в то время, когда там безобразничали козлы. Львы забрались на пальмы, сидели среди листьев, как в гнёздах, дрожали от страха, а козлы с разбегу били в стволы пальм рогами и радостно кричали, глядя, как трусливые львы цепляются за листья раскачивающихся пальм.

Иоаким грустно усмехнулся, вспомнив этот рассказ, представил, как простодушный пастушонок ахает, слушая Сафара, и снова прилёг на шкуру и опять погрузился в свои грустные думы. Вдруг почудилось ему, что не один он лежит под деревом: рядом с ним Анна. Представилось так явственно, что Иоаким оглянулся. Вспомнилось, как точно такой же лунной ночью, больше тридцати лет назад, лежал он рядом с Анной на шкурах под деревом. Он был молод, и Анна юна, как Девора теперь. И всё было у них впереди, мнилось тогда, что будет у них столько же детей, сколько у Иакова. За что же Господь наказал его? Вспомнилась Анна на пороге дома ранним утром, когда он собирался в Иерусалим, увиделось её грустное лицо с тёмными морщинами на лбу. Ей ведь пятьдесят лет. А Сарре Авраамовой было девяносто, когда она родила Исаака. Всё в руках Божиих. Но ведь Авраам, когда отчаялся иметь детей, с согласия Сарры взошёл к служанке своей Агари, и она родила ему сына Измаила. Вспомни-

лось, как однажды служанка Анны Девора, игриво блеснув глазами, сказала ему, что она может родить ему не одного сына. «Взгляни на седины мои!» – строго ответил ей тогда Иоаким. «Что седины? – засмеялась Девора. – Седины дают мужчине уверенность и силу. Разве не так?» – «Уйди, блудница! – вскрикнул Иоаким возмущённо. – Бес в тебе говорит!» Может, зря он тогда прогнал её? Может, она права? Может, мог бы он с ней познать радость отцовства? От этой мысли озноб передёрнул всего Иоакима. Он вскочил со skóry Деворовой, вскинул руки вверх и с отчаянием произнёс вслух:

– Господи, Господи, прости меня за мысли мои греховные! Господи, не отводи взора Твоего от меня грешного! Не оставляй меня, дай мне силы преодолеть искушения!

Иоаким долго молился. Прилёг он тогда, когда костёр у источника погас. Тускло тлели его замирающие угли. Ущербная луна поднялась высоко над холмом, тень от дуба стала резче, стали видны белые хижины притихшего селения внизу. Только цикады неумолчно и печально стрекотали, стрекотали, словно сочувствовали ему, разделяли его скорбь. Под их грустную, нескончаемую песню Иоаким заснул.

Разбудил его утром хруст сухой травы под ногами Сафара. Иоаким открыл глаза, но не стал подниматься навстречу, лежал, молча смотрел, как подходит к нему его старший пастух.

Сафар поприветствовал его почтительно и спросил:

– Что же ты к нам не пришёл? Мы помогли бы тебе устроиться?

– Вы спали. Будить не хотелось, – зашевелился, поднимаясь, Иоаким.

– Сегодня придёт Регем? Ты встретишь его? – спросил Сафар.

– Нет.

Регем – торговец скотом.

– Что сказать ему?

– Скажи: всех овец и коз купил Ахаз. Если его интересуют верблюды, продай сколько возьмёт.

– Ахаз разбогател? – спросил Сафар.

– Господь благоволит ему. Он покупает дом в Иерусалиме...

– Ахаз добрый человек. Он всегда жил по законам Господа Бога нашего, – почтительно согласился Сафар и вкрадчиво спросил: – Какую цену назначить Регему за верблюда?

– Торгуйся сам... – ответил Иоаким и пожалел, что сказал так, увидев, что в глазах Сафара мелькнул радостный и алчный огонёк, но менять своего слова не стал. – С Ахазом всё оговорено... Я сейчас уйду в пустыню. Мне нужно побыть наедине с Господом. Придёт Ахаз, не тревожьте меня. Делай всё сам... Возьми вино себе. Мне оно не нужно. А это, – указал Иоаким на отвергнутые дары Господу, – отправь в Назарет в синагогу. Ступай, мне нужно собираться.

Сафар сильной рукой подхватил мех с вином и замешкался, спросил:

– Как моё дело? Как мне быть?

– Решим, всё решим хорошо. Потерпи... Не до того мне сейчас.

Сафар видел, что у Иоакима совсем не праздничное настроение. Он угрюм, озабочен. Говорит хмуро. Не таким он обычно возвращался из храма. Сафар догадался, что что-то случилось в Иерусалиме, потому-то Иоаким так быстро вернулся оттуда, потому-то он и не подошёл вечером к их костру. Он понял сразу, что в таком состоянии Иоаким не решит его дела, но всё же спросил, напомнил ему, чтоб показать, что он не изменил решения завести своё стадо. Сафар понимал, что хозяин не отпустит его, пока не продаст скот. И то, что Иоаким попросил его потерпеть ещё, не испортило его радости, которую он тщетно пытался скрыть от хозяина, радости от того, что тот доверил ему самому продать верблюдов. Регем – человек лихой, это не Ахаз, с ним можно договориться так, что часть платы за верблюдов он утаит от хозяина.

Иоаким смотрел вслед Сафару, смотрел, как тот уверенно, с хрустом, давит ногами сухую траву, как легко несёт мех, словно в нём не вино, а козий пух, и думал: «Сильный человек Сафар! Повезло мне, что пять лет он пас, приумножал мои стада. Ничего не поделаешь, видно было сразу, что не долго ему быть пастухом, сам станет хозяином. По молодости он решил, что счастье его в море, проверил, убедился, что не так, вернулся в родную степь... Обманет он меня с Регемом, точно обманет, присвоит часть выручки. Но ничего, ничего, пусть это будет его наградой. Пастухом он был хорошим, замену ему не найти... И хозяином он будет хорошим. Женится на Деворе, детишек наплодят. Это и будет его счастье». Вспомнив о Деворе, Иоаким взглянул на расстеленную под дубом шкуру и окликнул пастуха:

– Сафар, погоди!

Тот приостановился, оглянулся.

– Подойди сюда, – поманил его рукой Иоаким и поднял шкуру, встряхнул её, выбивая пыль и соломинки от травы. – Я забыл, – сказал он подошедшему к нему Сафару и протянул шкуру. – Девора просила передать тебе. Она сама выделала её. Говорит, скоро ночи прохладные будут...

– Передай ей мою благодарность. Скажи, как только продадим скот, я приду к ней.

4

Сорок дней, сорок ночей провёл Иоаким в пустыне, провёл в одиночестве в молитвах и посте. Осенние дожди поливали его, ночные холода не давали спать. Зябкий шалаш не спасал.

Сорок мучительных дней, сорок томительных ночей тянулись у Анны в тоске, в слезах и молитвах. Она винила себя и только себя в бездетности их семьи. С другой женщиной у Иоакима были бы дети. И не претерпел бы он такого позора, такого унижения, какое случилось с ним в Иерусалимском храме. О том, что первосвященник Рувим не принял даров Господу, не принял жертву Иоакима, Анна узнала через десять дней после того, как муж ушёл в Иерусалим. Она ждала его через восемь дней. Три дня пути в город, три дня обратно, да два дня празднества. Иоаким не собирался все семь дней праздновать в Иерусалиме, обещал, что через две ночи отправится домой. Но прошли восемь дней, прошли девять, а Иоакима не было. На десятый день Анна стала часто выходить за ограду двора, с тревогой вглядываться в дорогу, не видать ли мужа? Все чаще стала прислушиваться к голосам, доносившимся с улицы, не Иоаким ли возвращается из Иерусалима? И вдруг услышала имя мужа. Произнёс его Дримил, сосед. Он, видимо, только что вернулся с праздника, разговаривал со своей женой Амиталь и, между прочим, спросил у неё:

– Иоаким вернулся?

– Не видела. Тихо у них, – ответила Амиталь.

– Да-а, – со вздохом произнёс Дримил. – Не хотел бы я быть на его месте?

– А что случилось? – с тревогой и любопытством спросила Амиталь.

Анна замерла в своём дворе неподалеку от каменной ограды, отделяющей двор Дримила, до хруста сжала пальцы, ожидая, что ответит Дримил.

– Отверг Рувим жертву его. Изгнал из святилища, изгнал как великого грешника...

Слова эти резанули по сердцу Анны, упали руки её безвольно. Обмякла она вся, но устояла на ногах, слушала дальше разговор соседней.

– Ой-ой! – горестно воскликнула Амиталь. – И что же Иоаким?

– Что Иоаким? Ушёл...

– Куда же он ушёл?

– Я бы тоже не вернулся в Назарет после такого позора, ушёл бы в пустыню и там провёл остаток дней своих...

– Лучше развестись, чем в пустыню, – вздохнула Амиталь.

– Бросить тебя? – засмеялся Дримил.

– При чём здесь я. Я тебе троих родила...

– За это я тебя и люблю!

– Только за это? – игривым тоном спросила Амиталь.

– Не только, не только... – донесли ласковые шлепки.

– Ну-ну, разыгрался, – смеялась Амиталь. – Соскучился, что ли?

Анна вяло повернулась к дому и стала тяжело подниматься по ступеням.

– Что с тобой? – встретила на пороге Девора, тревожно вглядываясь в её лицо.

– Голова закружилась... Ослабела я что-то... – пробормотала Анна.

– Пошли, пошли в дом, жарко, духота на улице, – подхватила её под руку Девора и повела в прохладу дома в спальню. – Полежи немножко.

«Это я, я во всём виновата! – стучали в голове мысли. – Это из-за меня принял позор Иоаким... Господи, чем я пред Тобой провинилась? Чем я согрешила?»

Лежала, молилась Анна до темноты, вопрошала у Господа – в чём её грехи? Не вставала, не выходила из дому. Ей казалось, что весь Назарет уже знает, что из-за неё принял позор Иоаким, что из-за неё он покинул людей, что не желает он её видеть до окончания дней своих.

Девора не тревожила Анну, ушла в сад и что-то там делала. Когда стемнело, во дворе послышались её быстрые лёгкие шаги. «Что ей, беззаботной? – с завистью подумала Анна о служанке. – Крепкая, здоровая, выйдет замуж, нарожает детей и будет счастлива, а я... И я в её годы цвела, разве что не так легка была и беззаботна. Да и сейчас в добром здравии. Разве болят мои члены? Разве не так они слушаются меня, как в юные годы? Разве состарилась душа моя?»

Девора зажгла свечи, загремела посудой, потом позвала ужинать.

Когда луна поднялась над холмами, Анна тихонько вышла из дому на порог. Она чувствовала слабость во всём теле, чувствовала себя больной. С тоской взглянула она на серебристую от лунного света гору Фавор. Где-то там, за горой, в пустыне мается Иоаким, один, опозоренный, в печали. Она представила, как сгорает душа его от горечи и скорби, и силы совсем оставили её. Анна слабым голосом позвала Девору и с помощью служанки тихонько доковыляла до постели.

Сорок дней не выходила Анна из дому, сорок дней молилась, просила Господа дать силы ей перенести душевную муку, дать силы Иоакиму простить её, внушить ему мысль вернуться в дом свой, просила Господа совершить чудо, даровать ей ребёнка. Только изредка, когда темнело, выходила она из дому, садилась на ступени и, в первые ночи при лунном свете, потом, когда луна истаяла, в полной темноте, под томительные песни цикад вглядывалась в гору, за которой в пустыне был Иоаким. Что с ним? Здоров ли он? Жив ли? Зябко стало ночами, дожди начались, зима на пороге.

Сороковой день скорби Анны выдался солнечным, тёплым, безветренным. Девора, сострадая Анне, осунувшейся, побледневшей за дни печали, вошла к ней в спальню и сказала:

– Чудный день сегодня: тепло, солнечно. Вся природа в радости, одна ты, госпожа моя, в печали. Выйди в сад, прогуляйся немного.

– Покинула радость дом мой, – ответила ей Анна. – Нечему мне больше радоваться.

– Свежий воздух нужен человеку, пока он дышит, и в печали и в радости. Так уж Господь заповедал. Не надо ему противиться, – уговаривала свою госпожу служанка и взяла её за руку. – Идём, я провожу тебя.

Анна покорно вышла вслед за Деворой из дому, прищурилась от солнца, приостановилась на пороге. Тихо было во дворе. Девора хотела помочь ей спуститься по ступеням, но Анна высвободила свою руку из руки служанки, поблагодарила её, сказала ласково:

– Я одна прогуляюсь. Ты иди, иди... – И направилась в сад.

Воздух действительно был свеж, чист, пахло лавровыми листьями, сыростью после вчерашнего дождя и чем-то неуловимо грустным, чем пахнут сады глубокой осенью. Анна подняла голову к сияющему небу, по которому были разбросаны в беспорядке ослепительно белые облака. «Господи, Господи, хорошо как в мире Твоём! Всем хорошо, всем тепло под солнцем Твоим, всем радостно. Почему только моё сердце раздирает печаль-тоска! Почему я должна томиться одна-одинёшенька? Надолго ли покинул дом свой мой журавушка? Так далеко улетел он, что голос печальный его не слышен мне? Господи, Господи, укажи ему путь к дому своему!»

Над головой Анны цвиркнула птичка и, вспорхнув, перелетела на опустевшее гнездо в ветвях лаврового дерева. Видимо, это был повзрослевший птенец, который вырос в этом гнезде летом. Она вспомнила гнездо, полное жизнерадостными птенцами, беспокойную птицу-мать, которая начинала громко и сердито кричать, суетливо летать вокруг Анны, как только она приближалась к дереву с птенцами. Воспоминание о полном жизни гнезде не порадовало Анну, а привело к ещё большему унынию. «Господи, Господи! Вся природа прославляет Тебя своими плодами. И зверь лесной, и лань степная, и птицы небесные все плодятся, все радуются о детях своих, лишь я одна безчадна, как степь безводная, лишь я одна мертва и безжизненна. Даже овечка кроткая и та каждую весну приносит агнца. Ласкает его, кормит сосцами своими, оберегает, укрывает собой в ненастные дни, пока он не войдёт в силу. Только мне некого кор-

мать-укрывать собою, только я лишена радости видеть, как рождённое мной растёт, набирает силу. Господи, Господи! Ты даровал Сарре сына в старости, услышь и меня! Я принесу дитя своё в дар Тебе, отдам на служение в храм. Да благословится в дите моём Твоё милосердие!»

Чем страстней молилась Анна, тем легче ей становилось. Ей показалось на мгновение, что душа её улетела в сияющие небеса, к облакам. Вдруг почудилось Анне, что рядом с ней кто-то есть. Она опустила глаза и оцепенела. Перед ней стоял молодой мужчина, безбородый, сильный, высокий.

– Не бойся, Анна, – сказал он спокойно и уверенно. – Я архангел Гавриил, посланник Божий. Твоя молитва услышана. Вопли твои прошли через облака, слёзы твои упали перед престолом Господа. Ты родишь дочь благословенную, такое ещё не было среди всех дочерей земных. Ради Неё благословятся все роды земные. Через Неё дастся спасение всему миру, и наречётся она Марией.

– Жив Господь Бог мой! – упала Анна на колени перед архангелом. – Если будет у меня дочь, отдам её на служение Господу, и пусть она служит Ему день и ночь, восхваляя святое имя Его.

– Обет свой дашь Господу в святилище храма, – произнёс Гавриил.

Анна низко до земли поклонилась ему, а когда подняла голову, архангела рядом с ней не было. Анна вскочила, оглянулась. Никого, кроме неё, в саду нет. Только птичка, сидя на краю пустого гнезда, цвиркала возбуждённо и радостно. Потемневшие листья замерли под солнцем. Казалось, всё застыло, недвижно вокруг неё. Неужто ей примнился архангел? Да нет же! Вот здесь он стоял. Анна протянула руку, словно хотела прикоснуться к чему-то невидимому. Она же ясно, чётко слышала его слова, чувствовала, что каждое слово его оживляет её, вливает в неё силу, наполняет радостью. Он был здесь, был, говорил ей сладостные слова! Анна побежала из сада.

– Девора, Девора! – закричала Анна, легко взлетая по ступеням к дому.

– Что? Что случилось? – выскочила ей навстречу встревоженная служанка.

– Девора, – выдохнула Анна. Лицо её сияло счастьем. – Собирайся. Мы идём в Иерусалим.

– В Иерусалим? Зачем?

– Мне нужно в храм.

– Что случилось? Почему так неожиданно? – допытывалась удивлённо Девора, вглядываясь в сияющее лицо госпожи. Она была поражена видом Анны. Уходила она в сад унылая, обессиленная. Откуда в ней взялась такая лёгкость? Почему согбенная фигура её, вдруг выпрямилась, стала похожей на фигуру юной девы? Почему у неё так молодо горят глаза?

– В храм, в храм. Так Господу угодно! Собираемся, возьмём с собой двух слуг... Не надо медлить.

Анна вбежала в дом и стала собирать вещи в дорогу.

5

Иоаким обессилел, изнемог от тяжкого поста и молитв, но не помышлял о возвращении в Назарет. И в этот день, как и в прежние дни, Иоаким молился Господу, просил сотворить чудо, сделать Анну, жену его, плодовитой. «Господи, всемилостивый Боже, если будет у меня дитя, посвящу его служению Тебе!»

Как только Иоаким произнёс эти слова, пред ним появился молодой крепкий человек. Лицо его, казалось, излучало свет. Иоаким не испугался, не удивился его появлению. Сил уже не было от долгого поста на эти чувства.

– Бог услышал твою молитву, Иоаким, – сказал архангел Гавриил. Это был он. – У жены твоей Анны родится Дочь и станет не только вашей радостью, но и радостью всего мира. В знак верности моих слов иди в Иерусалим. Там у Золотых ворот ты найдёшь твою жену, которой я уже возвестил эту радость.

Иоаким слушал молча. Он слушал, а тело его наливалось силой. Гавриил проговорил эти слова и исчез.

– Господи, благодарю Тебя, Господи! – воскликнул вслух Иоаким и тут же направился в ту сторону, где было его стадо.

Сафар уже распродал большую часть овнов и козлов. Верблюдов полностью отдал Регему с хорошим прибытком для себя. Оставил только на племя. Увидев торопящегося к нему взволнованного Иоакима, Сафар решил, что, видимо, Регем проболтался кому-то, что часть денег за верблюдов Сафар присвоил, и слух об этом дошёл до Иоакима. Потому-то он так торопится. Обычно хозяин был нетороплив, скрывал волнение. Сафар решил, что будет отпираться до конца, утверждать, что Регем оговорил его.

– Сафар, Сафар, Господь с тобой, ты ещё не всех продал овец?

– Продал всё, но не всех ещё забрали, – старался держаться спокойно пастух.

– Отбирай семь самых лучших овец, семь коз, семь волов. Погоним их в Иерусалим.

– Зачем? – удивился Сафар.

– Не спрашивай, выполняй. Так Господу угодно.

Сафар стал высматривать в стаде самых крепких и жирных овец и коз, ловил их и передавал Иоакиму. Затеи хозяина он не понимал. Радовался в душе тому, что не прознал Иоаким о его сделке с Регемом. Но особенно радовался, что овцы и козы, которых он отобрал для себя, чтобы выкупить их у своего хозяина за деньги, накопленные за пять лет и за утаённые от продажи верблюдов, находятся в дальнем стаде, под присмотром других пастухов. Сафар решил этой зимой покинуть хозяина, завести своё стадо, самому стать хозяином. Он чувствовал, что у него получится, он разбогатеет, женится, станет уважаемым человеком.

Совсем недавно Иоаким брёл в Иерусалим на праздник Кушей с тяжестью на душе, с тоской и тревогой, а теперь он с радостью и нетерпением спешил в Иерусалим, к храму. Сафар весь путь удивлялся, глядя на возбуждённое, будто хмельное, лицо хозяина. Он думал, что Иоаким расскажет ему в пути, что так его взволновало, почему так стремительно рвётся он в Иерусалим, туда, где полтора месяца назад его изгнали из храма. Но Иоаким молчал, то ли молился, то ли разговаривал про себя. Так и не узнал Сафар, что случилось с Иоакимом.

Ещё издали увидел Иоаким Анну, молящуюся Господу у Золотых ворот. Она тоже увидела его и поспешила навстречу. Они обнялись с таким нежным чувством, с каким обнимались только в молодости. И чувствовали они себя молодо, как будто не было тридцати совместно прожитых лет.

– Анна, Анна, Господь с тобой! – говорил радостно Иоаким. – Бог наш милосердный снизошёл до нас, услышал наши молитвы. Прислал ангела сказать мне: у нас будет Дочь. И сказал, что я встречу тебя у Золотых ворот. И вот я вижу тебя... У нас будет Дочь!

– И ко мне приходил архангел! – воскликнула Анна.

Она также рассказала мужу обо всём, что видела и слышала о рождении Дочери.

– Идём, идём в храм, принесём дары Господу! – воскликнул Иоаким, окончательно уверовавший в милость Божию.

Помолившись Господу и поклонившись Ему в храме, супруги вернулись домой.

6

Через девять месяцев, перед праздником Кушей Анна родила Дочь. Как нежен, как бережен с Анной, как счастлив был Иоаким эти девять месяцев. Он нанял ей ещё двух служанок, требовал, чтоб они ни на минутку не оставляли Анну одну. Не дай Бог споткнётся ненароком, упадёт, потеряет ребёнка. Каждый день он благодарил Господа за подаренное им счастье. Он с радостью видел и не осуждал Анну, когда она с сияющим лицом и с большим животом выходила за ворота на улицу, заслышав голоса женщин, проходивших мимо. Заговаривала с ними. Раньше редко такое бывало. Иоаким понимал, что жена хотела показать соседкам свой живот, мол, смотрите, я, та, которую вы называли бесплодной, над которой вы насмехались из-за этого, скоро буду матерью. Морщинки на лбу Анны разгладились, плечи распрямились. И вся она словно подросла, стала казаться выше ростом. Глаза сияли молодостью и счастьем. Она не подозревала раньше, что может быть так счастлива. Возможно, если бы Анна забеременела в первые годы жизни с Иоакимом, она восприняла бы своё положение как естественное, обычное для молодых замужних женщин, и не испытывала бы ежедневно, ежечасно, ежесекундно такого удивительного наслаждения даже от постоянных неловкостей, трудностей беременности, особенно в её возрасте. Но не только предчувствие материнства, которое посрамит всех насмешников и недоброжелателей, делало её счастливой. Особенное счастье приносило ей отношение Иоакима. Она знала, что он её любит, понимала, что другой на его месте давно бы с ней развёлся из-за её бездетности. Таких примеров было много и в Назарете и во всём Израиле. Но Иоаким не оставил её. И теперь, когда она была беременна, он окружил её такой заботой, таким вниманием, что она чувствовала себя царицей. Теперешнее трепетное отношение мужа к ней, с которым она прожила более тридцати лет, более всего делало её счастливой. Она ежедневно молилась Богу, благодарила Его за неведомые ей радости. Ей хотелось, чтобы ничто её душевное состояние длилось бесконечно.

Однажды зимним вечером в комнату Иоакима и Анны вошли со смиренными и взволнованными лицами Сафар и Девора и попросили благословения хозяев. Иоаким догадывался, что дело у них идёт к свадьбе. Анна только порадовалась за Девору. Сильный, весёлый пастух ей нравился. Хорошая пара для живой, энергичной служанки.

Сафар выкупил у Иоакима стадо овец и коз, стал хозяином и покинул Назарет, переехал в городок Аримафеи, где жили родственники Деворы.

После рождения Дочери Иоаким принёс Господу большие дары и жертвы. Потом собрал гостей и устроил в своём доме пир, и все веселились и славилы Бога.

На пятнадцатый день, как положено по закону, родители назвали Дочь Марией.

Введение во храм

1

Анне казалось, что не было и не будет на земле матери счастливее её. Когда она кормила грудью Дочь, ей хотелось кричать на весь мир: Люди! Смотрите, это я! Я! Над которой вы насмехались, это я, Анна, грудью своей кормлю Младенца!..

– Господи! Благодарю Тебя, Господи, за милость Твою, за счастье небесное, дарованное Тобой! – часто молилась она вслух.

Соседка Амиталь при встрече разделяла её радость, расспрашивала о Дочери.

– Тяжко, наверно, в твоём возрасте с младенцем? Мои дети беспокойные были в младенчестве, до трёх лет покоя не давали. Особенно по ночам. Молодая была я, а еле себя носила от недосыпания. Представляю, что было бы со мной, роди я в таком возрасте.

– Мария покойна. Я совсем не чувствую тягости ухода за ней, – с удовольствием рассказывала о своей Дочери Анна.

– Тебе хорошо, две служанки помогают.

– Помогают они днём, а ночью колыбель Марии в нашей спальне. Спит Она спокойно. Встаю покормить, будить приходится. А так жалко будить, так Она мило спит. Думаю, разбудишь, раскапризничается. Нет. Ни разу такого не было. Проснётся, распахнёт глазёнки, улыбнётся, и сама к груди тянется. Поест и спать.

– Да-да, на удивление милый ребёнок, – соглашалась Амиталь. – Ни разу я не слышала Её капризный плачь.

Иоаким по-прежнему был нежен и ласков с Анной. Не скрывал своего счастья. Радовался всему, что делала Мария. Вот Она улыбнулась впервые, вот впервые агукнула, вот, крепко вцепившись ручонками в его подставленные пальцы, впервые попыталась сесть. Мария росла быстро, довольно скоро научилась сидеть, ползать, стоять, вцепившись руками в колыбель. Иоаким следил, чтоб в доме всегда было сухо, тепло, следил, чтоб не было сквозняков.

Через полгода, весной, в солнечный день, когда было особенно тепло, Анна вынесла Марию на улицу, поставила на землю, отошла от неё на три шага, присела на корточки и нежно позвала, поманила к себе, решив проверить – сможет ли Дочь самостоятельно сделать несколько шагов:

– Мария, иди, иди ко мне!

Девочка стояла на неокрепших ногах, раскачивалась. Иоаким из сада наблюдал за ними со счастливой и тревожной улыбкой. Он опасался, что Дочь упадет и ушибётся. Мария решилась, шагнула неуверенно, робко к матери, потом смело и быстро засемила к ней. Анна подхватила Девочку на руки и поднялась.

– Семь шагов! Семь шагов Она сделала! – радостно крикнул Иоаким.

– Жив Господь Бог мой! – повернулась к нему Анна с Девочкой на руках, просияла улыбкой и сказала Марии. – Ты не будешь ходить по земле до тех пор, пока я не введу Тебя в храм Господень! Ты будешь служить Богу. Видишь это небо сияющее, видишь первые листочки на деревьях, слышишь, как птицы радуются яркому дню, пением своим восхваляют Господа! Всё, что Ты видишь, всё, что Ты слышишь, всё это создано Богом нашим. И Ты тоже творение Божие. Бог даровал нам Тебя, и Ты будешь служить Ему. Нет ничего более радостного на земле, чем служение Богу.

Анна устроила в своей спальне особенное место для Марии, куда не допускалось ничего нечистого. Наняла двух девушек, отличавшихся безупречным поведением и чистотой, для ухода за Дочерью, и сама всё своё время проводила с Марией.

Когда Дочери исполнился год, Иоаким собрал родственников, священников, старейшин и друзей на торжественный пир, вынес к ним на руках Марию и попросил благословения.

– Бог отцов наших, благослови Младенца Сего и дай Ему имя славное и вечное во всех родах, – произнёс первосвященник Рувим над головой Марии.

– Аминь! Да будет, – хором ответили присутствующие.

Иоаким с волнующим душу чувством победителя слушал слова молитвы первосвященника, вспоминая, как тот выгонял его из храма. С трепетом и робостью приглашал он Рувима на свой праздник, беспокоился, что тот откажет. Но Рувим согласился без колебаний, несмотря на то, что за последние два года сильно постарел, поседел, сторбился. Болезнь точила его.

2

Мария росла необычно смышлёной. Скоро научилась говорить, понимала всё, что Ей рассказывали, неустанно спрашивала мать и девушек, ухаживающих за Ней, обо всём, что видела, что приходило Ей в детскую голову. Любила слушать давние предания. Слушала так, как будто бы понимала их. Анну забавляло серьёзное выражение лица Девочки, когда она слушала такие рассказы. Хотелось узнать, что думает Мария в это время? Какие образы возникают в Её невинной голове? Однажды Анна рассмеялась нежно, когда услышала, как Мария, картавя и коверкая слова, пересказывает одно из таких преданий девушке, которая ухаживала за Ней. Анна с восторгом подхватила Дочь на руки и закружила по спальне, восклицая:

– Какая Ты у меня умница растёшь!

– Я тоже поражаюсь, – сказала девушка, которой она рассказывала предание. – Как Она запоминает такие длинные истории. И всё так складно.

Между тем приближался второй день рождения Марии. Иоаким стал намекать Анне, что пора вести Девочку в храм. Надо готовиться. Отпразднуем два годика Марии и исполним обет.

– Иоаким, Иоаким, не торопись, – взмолилась Анна. – Она ещё совсем младенец. Ещё годик пусть побудет с нами. Окрепнет и телом, и разумом. Видишь, как Она быстро растёт.

– Обет Господу в храме кто давал? – строго спросил Иоаким.

– Я давала, Иоаким, я! И не отказываюсь от своего обета. – Анна понимала разумом, что нужно исполнить свой обет, знала, что исполнит его без колебаний и сомнений, но ей хотелось побыть с Дочерью хотя бы ещё год, хоть годик бы ещё полюбоваться Марией, насладиться Её детским теплом, послушаться милого лепета. – Но я не обещала ввести в храм двухлетнего младенца. И храму тягостно будет ухаживать за таким несмышлёнышем. Подумай, Иоаким. Пусть Мария побудет с нами ещё год. А как исполнится три года, окрепнет Её разум, тогда и отдадим служить Богу. А сейчас Она понять не сможет, зачем мы отдали Её в храм. Она только-только молитвы начала понимать, запоминать. А за этот год я научу Её многим молитвам, научу понимать и любить Бога.

– Молитвам и любви к Богу Её научат в храме. Там теперь первосвященником Захария, зять твой, – напомнил Иоаким Анне, что после смерти Рувима первосвященником стал Захария, муж Елисаветы, сестры Анны.

– И через год первосвященником будет Захария, – продолжала уговаривать мужа Анна, почувствовав в его голосе нерешительность, сомнение в своей правоте. – Ты посоветуйся с ним, когда будешь в храме. Увидишь, что он благословит решение наше отдать в храм Марию через год.

– Если бы Захария был первосвященником в прежние годы, он бы не стал корить нас за бездетность, – вздохнул Иоаким. – Сколько лет он живёт с Елисаветой?

– Двадцать лет почти, – быстро ответила Анна, радуясь, что муж переменял тему, значит, согласился с тем, что Мария ещё год будет радовать их.

– Двадцать лет, а детей нет... Он бы не стал корить нас за безчадие, – повторил Иоаким. – Не пришлось бы нам страдать и терпеть унижения.

– Не грехи, Иоаким, – укорила его Анна. – Не гневи Бога. Если бы не наши страдания, если бы не наши слёзы, разве дошли бы до Господа наши молитвы? Разве не милость Господня наша умница Мария?

– То Она у тебя несмышлёныш, то умница, – засмеялся Иоаким. На душе его стало легко от принятого решения не отправлять в храм Марию ещё год и радостно от того, что целый год он будет слушать голосок долгожданной Дочери в своём доме. – С нами Бог наш был милосерден, надеюсь, что и Захария заслужит такую же милость.

– Да будет так! – Мария прильнула к груди мужа с благодарным чувством за то, что он подарил ей целый год общения с Дочерью.

– Ты помолодела после рождения Марии, – погладил её по голове Иоаким, прижимая к груди. – А я совсем седой стал.

– Борода седа, а тело крепко, – Анна сжала пальцами его руки.

– Старости я совсем не чувствую, – сказал Иоаким. – Может, Господь ещё порадует нас детьми.

– На всё воля Божия...

3

Год пролетел незаметно. Почти каждый день Анна разговаривала с Марией о Боге, причала Её к мысли, что скоро они расстанутся и Она будет жить в храме, будет служить Господу, рассказывала, какие у Неё будут в храме счастливые дни. Нет ничего на земле радостней служения Богу.

Иоаким исподволь готовился к радостному дню введения во храм Марии, с грустью ждал дня прощания с Дочерью. Он накупил много свеч, заранее выбрал и особенно откармливал овнов для праздничного пира и для жертвы Господу, заранее договорился с непорочными девами для сопровождения Дочери в Иерусалим, заранее пригласил на пир родственников, священников, старейшин.

Пир гостям понравился. Анна тоже была довольна. Мария понимала, что этот пир в Её честь, каждый гость показывал Ей это, восхищался Ею, ласкал, говорил, какая она красивая и счастливая. Понимала, что Её жизнь после этого пира, этого всеобщего веселья, всеобщей радости изменится, что завтра Её поведут в храм, какой-то чудесный храм, где она будет служить Господу. Она видела, что каждый из гостей хотел бы жить в храме, но им нельзя, только Ей можно. Веселье Дочери радовало Анну. Сердце её наполнялось то счастьем, то грустью. Ещё три дня, три дня пути в Иерусалим, и Дочь выпадет из её жизни. Будет, будет она навещать Марию в храме, будет видеть Её, обнимать, разговаривать с ней, но редко, очень редко. Три дня пути будут отделять её от Дочери. Не услышит она больше детского смеха в своей спальне, никто не будет задавать ей бесконечных вопросов. Тишина поселится в её спальне, тишина. От этих мыслей было грустно. Но как только Анна представляла Марию в храме, представляла Её в окружении служителей Божьих, сердце Анны наполнялось счастьем и гордостью за Дочь. Все Её будут любить в храме, не любить Марию невозможно.

Ранним утром Иоаким с родственниками, которые должны были сопровождать Марию в храм и ночевали у него после пира, навьючили несколько ослов свечами, дарами Господу, провиантом и другими необходимыми в дороге вещами.

Приготовления к путешествию были закончены, когда солнце поднялось высоко над горной грядой, тянувшейся к горе Фавор. Родственники, знакомые, нарядные девушки толпились во дворе Иоакима, ожидали выхода из дома Анны с Марией и служанками. Было шумно. Как всегда в таких случаях, бегали, кричали ребятишки, тонко и весело смеялись о своём девушки, группами стояли, разговаривали пожилые люди. И вдруг всё стихло. Только восхищённый шелест прошёл по двору Иоакима. Все умолкли и обернулись ко входу в дом, где на пороге стояли Анна и Мария. Девочка была одета как царица. Анна с гордостью смотрела на восхищённые лица гостей. Мария поняла, что все восхищаются Ею, смутилась вначале, потом заулыбалась радостно, чуть сощурившись на солнце.

Девушки зажгли свечи и вышли на улицу, вслед за ними родители вывели за руки Марию, за ними потянулись сопровождающие, после них – навьюченные поклажей ослы.

Одна из девушек, идущих со свечами впереди, тонко и торжественно запела. Песню подхватили сначала её подруги, потом Анна с Иоакимом и гости позади них. Из домов Назарета выходили люди, смотрели на процессию, некоторые присоединялись к ней. Мария впервые шла по улице, впервые видела столько людей. Всё для Неё было ново и радостно. Она видела, что все люди и те, что шли вместе с Неё, и те, что стояли вдоль улицы, смотрят на Неё, все любят Её. Весело было Ей шагать, держась за руки родителей.

Три дня с небольшими остановками шла праздничная процессия в Иерусалим. Когда девушки пели песни, Анне казалось, что невидимые ангелы небесные подпевают им. Ей чудилось, что Дочери её уготована Богом необычная судьба. Ведь недаром Господь посылал к ней архангела. А был ли он? Не примнился ли он ей от горя? В тысячный раз спрашивала она себя.

Может быть, она давно бы уж поверила, убедила себя, что Гавриил привиделся ей в горячем бреду. Но как быть в таком случае с видением Иоакима? Ведь и к нему пришёл архангел и направил в Иерусалим. Не могли же они оба, без всякой причины, метнуться в Иерусалим в один день? А если Господь присылал Гавриила, значит, Мария зачем-то нужна Ему. Но зачем? Для чего Она избрана Богом? Что Она должна совершить? Всякое приходило в голову Анны, но она понимала, что предугадать замысел Божий невозможно.

Неподалёку от Иерихона к процессии присоединились Сафар и Девора. Сафар вёл за руку двухлетнего мальчика. Одеты они были празднично, богато. Не узнать было в них прежних пастуха и служанку. Иоаким слышал, что дела у Сафара идут хорошо. Встречал на Пасху в храме своего бывшего пастуха, дивился перемене в нём, его степенности. Трудно было поверить, что этот человек совсем недавно забавлял назаряев выдумками о своих морских приключениях.

– Наш Иосиф, – после приветствий назвал Сафар имя своего сына.

– Иосиф Аримафейский, – с гордостью сказала Девора.

– Ты расцвела за годы замужества, – искренне восхищалась Анна своей бывшей служанкой. – Иоаким рассказывал, что видел Сафара в храме. Я рада, что Господь с вами. Пусть не оставляет он вас ни на минутку, пусть в доме вашем не смолкает детский смех, а стада ваши пополняются.

– Да будет так! – заключил Иоаким.

Процессия спустилась с Елеонской горы и стала приближаться к храму. Навстречу ей вышли с пением служители храма во главе с первосвященником Захарией. Анна подвела к первосвященнику Марию:

– Прими, Захария, мою Богодарованную Дочь. Введи Её в гору святыни, в уготованное Ей Божье жилище, пока Бог не изволит совершить Свой замысел о Ней.

Первосвященник прочитал краткую молитву над головой Девочки. Анна подняла и поставила Марию на первую из пятнадцати ступеней, ведущих на площадку у входа в храм, и сказала:

– Иди, Дочь, к Богу, давшему мне Тебя. Войди в Господню Церковь, Радость и веселие мира.

Ступени были высокими, даже взрослые с трудом поднимались по ним, невольно кланяясь на каждой ступени. Мария быстро, играючи, без всякой помощи, вскарабкалась на одну ступень, на вторую, на третью, под удивлённые и восхищённые возгласы людей из процессии. На площадке у входа в храм остановилась, повернулась к сопровождавшим Её, оставшимся внизу и засмеялась радостно.

4

Мария, которой мать ежедневно рассказывала о чудесном храме Божиим, где Ей предстоит жить, где Она, по словам матери, будет счастливой, где для Неё начнётся настоящая жизнь, с нетерпением и радостью ожидала то мгновение, когда она увидит храм. И действительно, храм с первого взгляда, ещё издали, с горы Елеонской, показался Ей чудесным, сказочным. Сказочно было для Неё всё, что видела она по дороге в Иерусалим, ведь всё она видела впервые: и гору Фавор, мимо которой шла процессия, и долину Ездрилонскую в приглушённых осенних красках, и реку Иордан, и город Иерихон. Когда Она увидела первосвященника Захарию со священниками, которые с пением вышли навстречу процессии, то решила, что Захария с его длинной бородой и есть тот таинственный человек, который единственный из людей, по словам Её матери, разговаривает в Святая Святых с самим Богом, добрым, всеведущим, всемогущим, который создал всё, что видят Её глаза, даже Её, Марию, принёс в дар родителям, и которому теперь Она должна служить. Захария Ей сразу понравился, и сердце Её затрепетало от волнения, когда он стал приближаться к ним. Услышав приветствие матери, поняла, что не ошиблась, и решила, что если этот человек сам встречает Её, то, значит, Господь в храме ждёт Её, потому-то она с таким нетерпеливым желанием увидеть Его быстро вскарабкалась по ступеням и остановилась наверху, поджидая родителей.

– Благословенна Дочь твоя, Анна, – сказал удивлённый Захария. – Такого я ещё не видел, словно ангелы вознесли Её к храму. Видно, сон мой был знамением.

Сказав так, Захария стал подниматься к Марии. И все потянулись за ним, кланяясь на каждой ступени. Первосвященник взял за руку Марию:

– Войди в радость, в Дом Господа Твоего. Да будут дни Твои в храме светлыми и ясными под незримым оком Господа Бога нашего.

Он ввёл Марию в святилище. Девочка весело, без смущения оглядывала убранство храма. Из святилища Захария, к удивлению всех, повел Её за вторую завесу храма во Святая Святых. Иоаким ахнул, увидев это. Стал молиться про себя, просить Господа не наказывать Марию за Её невольный грех, за тяжелейшее нарушение закона Моисея. Первосвященник указал на середину комнаты и сказал тихо и нежно, с каким-то трепетом в голосе:

– Вот здесь Ты будешь молиться Богу. Только Ты одна в любое время можешь входить сюда. Даже я могу здесь появляться только один раз в год.

Тишина, тревожная, тяжелая, стояла в святилище, когда Захария с Марией вышли из Святая Святых. Обычно девы, приводимые в храм на службу Богу, молились между церковью и алтарём. В Святая Святых мог входить только первосвященник с жертвенной кровью один раз в год в День очищения. Поэтому то, что Захария ввёл Марию в алтарь, поразило всех. Они не верили своим глазам, обомлели, не понимая действий первосвященника, думали, что он совершил тяжкий грех, за что Господь непременно накажет его, а вместе с ним и их, свидетелей тяжкого нарушения Моисеева Закона. Они молча, со страхом и изумлением глядели на Захарию и Марию.

– Так Богу угодно, – спокойно сказал первосвященник, догадавшись, почему так испуганно смотрят на него люди, и повёл за руку Марию к выходу.

Он направился в жилое помещение, где пребывали девственницы, служившие Богу, и где должна теперь жить Мария под их присмотром и руководством.

Позже Иоаким, напуганный поступком Захарии, спросит у него, почему он ввёл Марию в Святая Святых.

– Ночью я видел сон, – рассказал первосвященник. – Видел так явственно, будто не сон это, а всё происходит наяву. Вижу я себя, вижу будто со стороны, будто молюсь я в святилище храма, прошу Господа помочь обрести Ковчег Завета, утраченный после разрушения храма

Соломона Навуходоносором. Ведь в этом новом храме Святая Святых, место, где некогда хранился Ковчег Завета, пребывает пустым. Молюсь я истово о Ковчеге Завета, и вдруг также явственно вижу, как с небес ко мне спускается архангел. Затрепетал я весь от страха, а архангел спустился, встал подле меня и говорит: «Господь услышал твою молитву. Сегодня приведёт Он в храм живой непорочный Ковчег. Святая Святых перестанет пустовать». А утром приходит от тебя известие, что ты с Анной ведёшь свою Дочь Марию в храм. Мне тут же пришла мысль: не об этом ли живом непорочном Ковчеге говорил мне во сне архангел. А когда Девочка, как на ангельских крыльях, вознеслась по высоким ступеням ко входу в храм, я окончательно уверился, что Мария и есть тот самый живой Ковчег Божий. Потому-то я и ввёл Её в Святая Святых, потому-то и указал Ей там место для молитвы. Теперь по воле Господа Святая Святых перестанет пустовать.

– Почему так? Для чего избрал Марию Господь? Каково Её предназначение? – спросил с тревогой и с волнением за свою Дочь Иоаким.

– Замысел Божий познать нам, грешным, не дано! – вздохнул Захария.

– Будет ли Мария достойна замысла Божия? Что Ей делать?

– Молиться, вести праведный образ жизни, познавать премудрость Божию, – ответил Захария. – В этом я постараюсь помочь Ей.

Обручение

1

С первых дней жизни Марии в храме Захария окружил Её заботой и теплом. Он приставил к ней двух служивших Господу в храме непорочных дев. Одна из них прекрасно знала Священное Писание, другая была умелая рукодельница. Они изо дня в день, из года в год учили Марию молитвам, читать и писать, пряхть шерсть и лён, вышивать шелками, ткать и шить священные одежды. Родители часто навещали Её, особенно Анна. Она видела, что Дочь её живёт в храме в любви и тепле, что все священнослужители почитают Её драгоценным украшением храма, никогда не проходят мимо Марии, чтоб не призвать на Её голову Божьего благословения, и это радовало Анну, скрашивало материнскую печаль от разлуки с Дочерью. Жизнь Марии в храме была безмятежна, ясна и покойна. Ежедневные чтение Священного Писания, долгие молитвы в Святая Святых, вышивание тканей и шитьё одежд, необходимых для нужд храма, были Ей не в тягость. Всё она делала со старанием, особенно нравилось Ей читать Поучения в Писании.

В девять лет Мария познала первую в Её жизни скорбь: умер отец. Умер Иоаким внезапно, не болел, днём прилёг на свою постель отдохнуть, переждать полуденное пекло и тихо отошёл к Господу.

Анна, похоронив мужа, решила перебраться в Иерусалим, поближе к Дочери. Продала дом в Назарете, продала все свои стада коз и овец, волов и верблюдов Сафару, который за эти годы стал ещё богаче. Много пастухов пасло его многочисленные стада. Сафар присмотрел и помог купить Анне дом в Иерусалиме рядом с Гефсиманскими воротами и поместье в Гефсимании в долине Иосафата. В поместье она устроила склеп для тела Иоакима.

Теперь Анна могла часто видаться с Дочерью, разговаривать с первосвященником Захарией о Марии, о Её успехах в изучении Священного Писания и рукоделии, о Её праведной жизни и смирении.

Однажды Захария рассказал Анне, что видел во Святая Святых Марию беседующей с архангелом. У того в руке была корзина с фруктами, не иначе как из райского сада.

– Увидел я его и поразился, подумал: «Кто это в ангельском образе беседует с Девой? Здесь ангелы являются одним священникам, и то не часто. А к такой юной Деве пришествие ангела совсем необычно. Что он Ей благовествует, какую приносит пищу, из какого берёт сада? Что это значит? Неужели на Ней сбудутся пророческие речения? Не от Неё ли примет человеческий облик Хотящий прийти для нашего спасения?»

– И дальше что? – с нетерпением спросила Анна, потрясённая рассказом Захарий, подумав: «Неужто для этого Господь избрал Её Дочь Марию? Недаром все говорят о скором приходе Спасителя». – Что говорил Марии архангел?

– Я смутился, увидев их, и быстро удалился из Святая Святых. Не стал грешить, подслушивать их благочестивый разговор. Не для меня слова архангела предназначены, не мне и слушать.

– А Мария? Не испугалась ли она?

– По виду Её я не сказал бы, что Она напугана явлением архангела. Она слушала его и отвечала ему с почтением и смирением, но без робости. Разумею я, что не первый раз они так беседуют.

– Мне она ничего не рассказывала, – удивилась Анна.

– Видно, нельзя Ей об этом с кем-либо говорить, даже с родной матерью, – заключил первосвященник.

По пути из храма Анна думала о словах первосвященника: «Неужели на Ней сбудутся пророческие речения? Не от Неё ли примет человеческий облик Хотящий прийти для нашего спасения?» Вспоминала слова разговорчивой соседки по иерусалимскому дому Валлы, с кото-

рой она проводила много времени в беседах. Валла часто возмущалась порядками, установившимися в последнее время в Иерусалиме, негодовала, что отцы города и простые люди забыли Бога, заповеди Его. Все стали поклоняться мамоне, все ищут богатства, не останавливаясь перед нечестием, разбоем, убийствами ради быстрого и лёгкого обогащения. Рассказывала разные истории, как благочестивые люди страдают от алчности и разврата безбожников. Только Спаситель может остановить гибель людей. Все ждут обещанного пророками скорого прихода Спасителя, Царя Иудейского, приводят знамения, вспоминают слова пророка Иеремии из Священного Писания, что «воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле». Дома Анна взяла Священное Писание, нашла слова пророка Иеремии, оказалось, что это были слова Господа, который сказал пророку: «Вот наступают дни, и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле». Анна была из рода Давидова, значит, Дочь Её вполне могла стать матерью Царя, о котором говорил Всеведущий Господь. Анна начала заново перечитывать всё, что написано о её предке Давиде в Священном Писании. Сердце её вспыхнуло радостью при чтении клятвы Господа Давиду: «...От плода чрева твоего посажу на престоле твоём...» Неужели догадка Захарии правильна? – думала Анна. – Неужто Дочери Её Господь предназначил такую судьбу? Анне страшно было думать об этом. Она сама не верила такой догадке.

2

Мария вела жизнь в храме однообразную и упорядоченную. Каждый день Она молилась с раннего утра до девяти часов, потом читала Священные книги, пряла лён и шерсть, вышивала. Этому Она посвящала около шести часов. Мария очень любила вышивать, особенно часто вышивала шёлковые священнические облачения. В три часа дня Мария опять начинала молиться. Архангел Гавриил ежедневно являлся Марии с пищей (то один, то с другими ангелами), часто с Ней беседовал. Когда он впервые явился Ей в Святая Святых после дневной молитвы, Мария от неожиданности испугалась. Что за мужчина предстал перед ней? Что он делает здесь? Она еле сдержалась, чтобы не закричать от страха. Но Гавриил успокоил, сказал, что Господь поручил ему быть Её неотступным хранителем. С тех пор архангел стал ежедневно являться Марии. Беседа с ним укрепляла Её всё более и более в желании ангельской чистоты. Такая жизнь не казалась Ей скучной и утомительной, не была Ей в тягость. Наоборот, то, что она заранее знала, что будет делать завтра в определённое время, вызывало в Её душе покой и уверенность. Она находила в этом особенную прелесть. С каждым днём всё более и более росла в Ней любовь к Господу. Её дух Божьей благодатью быстро развивался и укреплялся.

Ей не казалось странным и чем-то особенным, что к ней ежедневно является ангел Господен. С самого раннего детства Она знала множество церковных Преданий, а позже читала в Священном Писании о частых встречах людей либо самим Богом, либо с Его ангелами. Она считала, что ангелы небесные являются ко всем служителям Божьим, и они не видят в этом ничего необычного, потому-то и никогда не рассказывают о беседах с ангелами другим людям. Кроме того, встречи с архангелом Гавриилом и беседы с ним носили такой душевный характер, касающийся только Её жизни и поведения, что поделиться этими беседами с другим человеком, даже с матерью, казалось Марии большим грехом, нескромностью, хвастовством, что было крайне несвойственно Её душе. Она знала по некоторым намёкам матери, что архангел Гавриил возвестил ей о Её рождении, но мать никогда не рассказывала Ей, как это было, и Марии в голову не приходило расспрашивать мать только потому, что Она видела в таких расспросах душевную нечистоту, греховное любопытство. Поэтому ни одному человеку Она никогда не говорила, что архангел Гавриил ежедневно приносит Ей пищу из райского сада и беседует с Ней.

Но не все дни в храме были у Неё так покойны и безмятежны. Вскоре Марию настигло второе в Её жизни горе. Умерла мать. Она осталась сиротой.

В храме девушки могли жить до своего совершеннолетия, которое наступало в четырнадцать лет. После этого они либо возвращались к родителям, либо священники выдавали их замуж.

Приближалось совершеннолетие Марии, надо было решать Её судьбу. Захария пришёл к Ней однажды, сказал с грустью в голосе:

– Мария, скоро Тебе четырнадцать лет. В храме по закону жить Тебе больше нельзя. Родителей у Тебя нет. Будем искать жениха.

– Замуж мне нельзя, – ответила Мария. – Я от рождения посвящена Богу, дала обет Господу хранить девство всю жизнь. Я не могу нарушить обета.

– Но и в храме Тебе оставаться нельзя. Запрещено это Божьими правилами. Как же нам быть?

– До дня Моего совершеннолетия ещё неделя. Господь укажет...

– Будем надеяться, будем молиться, – вздохнул Захария.

В этот же день Мария рассказала архангелу Гавриилу о своём разговоре с первосвященником.

– Господь Бог наш знает, кому что уготовано. Не сомневайся, молись, верь, и Господь воздаст каждому по делам его, не забудет и Тебя, – ответил Гавриил.

Ночью он явился первосвященнику и передал ему поручение Господа.

– Захария, – сказал Гавриил, – собери неженатых мужей колена Иудова из дома Давидова, пусть они принесут с собой посохи. Кому Господь покажет, тот будет хранителем девства Марии.

Через два дня в Иерусалиме был праздник Обновления храма, на который пришло множество народа с Израильской земли. Первосвященник собрал всех вдовствующих старцев из рода Давидова, взял у них посохи, отнёс их в святилище и стал молиться, просить Господа дать знамение, указать ему на того, кому можно вручить судьбу Марии.

– Господи Боже, покажи мужа, достойного стать обручником Девы.

Как только он произнёс слова молитвы, один посох вдруг зазеленел и расцвёл, на него тут же сел голубь. Захария обрадовался такому знаменью, схватил посох и вышел из святилища к старцам. Голубь вылетел вслед за ним и закружился над головой восьмидесятилетнего плотника Иосифа из Назарета.

– Чей это посох? – Захария поднял над головой расцветший посох.

– Мой, – ответил плотник из Назарета, с удивлением разглядывая свой посох, которым он пользовался не менее пяти лет, с зелёной ветвью и розоватым маленьким цветком.

– Иосиф, – обратился к нему первосвященник, – Марии, Дочери Иоакима и Анны из Назарета, исполняется четырнадцать лет. Она не может больше жить в храме, но и замуж Ей идти нельзя, Она дала обет Господу, что всю жизнь будет хранить девство. Ты возьмёшь Её к себе, будешь Её обручником, хранителем Её чистоты и непорочности.

– Захария, что ты говоришь? – Ещё более удивился Иосиф. Иоаким был его дальним родственником. Иосиф хорошо знал историю рождения Марии, знал, что в три года Она была введена в храм. Он принимал участие в похоронах Иоакима и переносе его тела в Гефсиманию. Слова первосвященника его поразили. Почему именно его восьмидесятилетнего старца, бедного плотника выбрал Захария в обручники юной Марии? Нелепость какая-то! Ошибка! Разве мало более крепких и богатых мужей в доме Давидовом? И он стал возражать первосвященник: – Разве ты не знаешь, что у меня в доме две дочери и четверо сыновей, трое из них взрослые? Что они скажут мне, когда я приведу в дом юную Деву?

– Одна дочь твоя замужем, и два сына женаты, не живут с тобой в одном доме.

– А люди? Что скажут люди? Не стану ли я для них посмешищем? Подумай, Захария, прежде чем предлагать такое.

– Это не моё решение, Иосиф. Сам Господь указал на тебя. – Захария знал Иосифа как человека добросердечного, трудолюбивого, со спокойным нравом, и думал, что Господь безошибочно выбрал его в обручники. Марии будет покойно в его доме. Жаль, что у него столько детей. Но что поделаешь, коли так. В любом случае Иосиф будет верным хранителем чистоты Марии. Думая так, Захария говорил строгим тоном: – Ты примешь Деву и будешь хранить Её. А станешь противиться воле Божьей, накажет Господь. И накажет жестоко, вспомни, как наказал Он Датана, Абирона и Корея, как земля разверзлась и они были поглощены заслушание.

Захария был убеждён, что Иосиф согласится принять в свой дом Марию, и не ошибся.

– Да будет исполнена воля Божия, – со вздохом, грустно произнёс Иосиф и не удержался, пожаловался: – Ведь ты знаешь, Захария, что в доме моём нет достатка, пищу мне приходится добывать тяжким трудом, и Марии придётся работать изо дня в день, не зная отдыха.

– Господу эту известно, и всё же Он избрал тебя... Мария труда не чурается. Она чудесная рукодельница. Мы будем время от времени давать Ей прясть шерсть для храма, вышивать ткани и священнические облачения.

Благовещение

1

Мария вернулась в Назарет через одиннадцать лет после того дня, как весь город провожал Её, одетую по-царски, весёлую, счастливую, в Иерусалим, в храм. Вернулась незаметно, тихо. Никто не обратил внимания на старца с ослом и юную деву, бредущих по переулку в нижней части Назарета, там, где были жилища бедняков. Мария смутно помнила Назарет. В голове стояли отдельные видения шествия по городу с родителями впереди поющей процессии, помнились девушки с зажжёнными свечами, праздничные люди вдоль улиц, помнилось ощущение счастья. А возвращалась в Назарет Мария с грустью, со смирением представляла будущую жизнь в доме Иосифа. По дороге он рассказал Ей, что не богат, трудом рук своих зарабатывает на хлеб, что имеет шестерых детей. Двое сыновей подростков, Иуда и Иосий, и дочь невеста Фамарь живут с ним под одной крышей, а Иаков и Симон женаты, живут отдельно. И дочь Саломия замужем. «Как они примут Её? Как отнесутся к тому, что их престарелый отец привёл в дом юную жену? Ведь им неизвестно, что Она дала обет безбрачия. На всё воля Божья, – думала Мария. – Как Богу угодно, так и будет».

Когда Иосиф и Мария свернули из переулка на длинную улицу и подошли ко двору Иосифа, они увидели вдали на площади возле синагоги волнующуюся толпу. Оттуда доносились резкие возгласы, возмущённые крики. Люди, а там были, видно, одни мужчины, то отскакивали от толпы, нагибались за чем-то и снова бросались в возбуждённую толпу. Тревогой веяло оттуда.

Мария вопросительно взглянула на Иосифа:

– Что они делают?

– Не знаю, – коротко ответил Иосиф. Он догадывался, что там происходит.

Они вошли во двор, из дому им навстречу выскочила девушка. Выскочила и остановилась на пороге, с удивлением глядя на Марию.

– Господь с тобой, Фамарь, – ласково поприветствовал дочь Иосиф. – Что тебя так поразило? Это Мария, сирота, Дочь наших умерших родственников Иоакима и Анны. Она будет жить у нас. Подругой тебе будет.

Пока говорил так Иосиф, во двор вбежали два худых и высоких подростка. Они тяжело дышали от быстрого бега, остановились и тоже уставились на Марию, юную девушку, удивительно похожую на их сестру Фамарь. Обе они были довольно высокого роста, у обеих светлорусые волосы, тёмные глаза цвета маслины, обе с прямыми продолговатыми носами. Только лицо их сестры было обычно лукавым, игривым, открытым для шутки и смеха, а лицо новой девушки выражало смирение, простоту, а сейчас было смущённым.

– Мария, это дети мои: Иуда, – указал Иосиф на одного из сыновей, потом на другого, – Иосий, а это Мария, Дочь наших умерших родственников. Она теперь будет жить у нас. Любите друг друга.

Братья казались ровесниками, но Иуде было тринадцать лет, а Иосию – двенадцать.

– Там... там... – возбуждённо указал Иуда в сторону синагоги. – Там Ноемиль камнями забили до смерти.

– Ноемиль? Это молодая сноха Дримила? – хмуро спросил Иосиф.

– Её муж в спальне с Анхусом застал, – усмехнувшись, ехидно ответила Фамарь.

Иосиф строго глянул на дочь и вздохнул:

– Что за времена настали: шёл в Иерусалим – Дину камнями побили, вернулся – побили Ноемиль за то же самое. Ничто не страшит развратниц. Совсем забыли Бога. Удовольствия для них выше страха Господня. Видно, конец Божьего света близок. Не долго будет Он терпеть наши грехи и пороки... Что стоите? – строго глянул Иосиф на сыновей. – Снимите поклажу с осла и отправьте его на выгон. – И обратился к дочери: – Мы устали с дороги. Приготовь

еды. – Потом повернулся к Марии: – Пошли в дом. Теперь он будет Твоим домом. Так Богу угодно.

Братья быстро направились к ослу, по пути разглядывая Марию. Они не понимали, почему их престарелый отец привёл в дом девицу. Пусть Она родственница, но почему Она должна жить у них?

К вечеру заглянули к отцу женатые сыновья. Пришли они вместе. Старший, Иаков, увидев сестру Фамарь во дворе у стола с фруктами, направился к ней, спросил громко и весело:

– Говорят, отец молодую жену привёл?

А Симон сердито простучал по камням двора деревянными подошвами сандалий мимо, не останавливаясь спросил:

– Где они?

Фамарь с лукавой улыбкой махнула рукой в сторону своей комнаты, дверь которой была открыта. Симон быстро направился туда, а Фамарь, погасив улыбку, взглянула на старшего брата и серьёзным тоном ответила на его вопрос, пояснила:

– Мария не жена. Это Дочь Иоакима, родственника нашего.

– Помню, он помер лет пять назад. Мы его с отцом хоронили, и жена его Анна тоже умерла в Иерусалиме.

– Мария сирота, Она посвятила свою жизнь служению Господу, и первосвященник поручил Её нашему отцу.

– Она, что, по жребию ему досталась?

– Захария сказал, что на отца указал сам Господь Бог.

– Захария скажет, ему лишь бы человека с рук сбыть. Не мог подыскать старика побогаче. Сунул первому попавшемуся. Корми нахлебника.

– Ей Захария работу дал, завесу вышивать и шерсть прясть. Мария обещала меня научить вышиванию.

– Посмотрим. – Иаков направился к двери, за которой скрылся брат.

Иосиф готовил уголок для Марии в комнате Фамари. Отдельной комнаты для Неё не было в бедном доме Иосифа. Мария тут же в комнате, аккуратно и бережно разглаживая складки, укладывала в сундук шёлковую пурпуровую ткань для новой завесы в храме, которую дал Ей Захария для того, чтобы Она вышила на ней узоры. Два мешка с тончайшей шерстью, которую Она должна прясть для храма, стояли в углу. И Мария, и Иосиф оглянулись, когда услышали голоса во дворе и торопливые сердитые шаги. Симон остановился на пороге. Лицо его густо заросло чёрными курчавыми волосами. Был он хмур. Глянул коротко на Марию, невольно отметил про себя Её женскую привлекательность и смирение на лице. Она со смущением и робостью опустила голову от его недоброго взгляда. Симон поклонился отцу, сказал хмуро:

– Мир вам. – И заговорил, не скрывая недовольства: – Слух до нас дошёл, что ты, отец, привёл в дом молодую жену. Почему же ты перед праздником не поделился со своими сыновьями своим замыслом? Мы устроили бы пышную встречу молодожёнам...

– Ты кому говоришь это? – вдруг взвился и вскинул посох Иосиф. Мария не подозревала такой вспышки гнева от добродушного и неторопливого старца. – Ты обезумел! Весь мир обезумел... Нет почтения к отцам своим... Бесы, бесы овладели всеми!

В это время в комнату вошёл Иаков и, низко поклонившись сначала отцу, потом Марии, громко поприветствовал их:

– Господь с вами! Да будут уста ваши не омрачены гневными словами! – Он ещё раз поклонился отцу. – Не сердись на Симона, отец. Он не ведает, что говорит. Не бесы и не пренебрежение сыновними чувствами отверзли уста его, а страх, опасение, что об отце могут отозваться назаряе непочтительно. Грех его в том, что усомнился он в праведности отца. Не сердись, отец. Симон искупит грех свой перед вами.

Симон молча глядел в пол. Склонённая волосатая голова его выражала вину и покорность. Иосиф опустил посох и сказал примирительным тоном:

– С Фамарью теперь будет жить Мария. В комнате этой больше вам делать нечего.

Оба сына вышли во двор. Иосиф, прежде чем выйти вслед за ними, указал на приготовленную им постель:

– Приляг, Мария, отдохни. Устала в дороге... И не бойся, здесь Тебя никто не обидит. Теперь здесь дом Твой.

2

Дни Марии в доме Иосифа мало отличались от дней в храме. Утром Она молилась, потом вышивала, читала Фамари Священное Писание. Иосиф видел, что образ жизни Марии и разговоры с Ней благотворно влияют на Фамарь. Дочь его, как он считал, была слишком легкомысленной, непослушной, вспыльчивой, часто ссорилась с младшими братьями. Часто стали её видеть с Езором, молодым работником богатого виноградаря. Не нравился Иосифу этот работник. Пропадёт с ним дочь. Очень боялся Иосиф, что легкомысленная, нетерпеливая Фамарь согрешит с ним. Священники узнают, осудят и побьют её камнями. А как отвратить дочь от Езора, Иосиф не знал. Он уже не один раз разговаривал с Фамарью о Езоре, объяснял ей, что не может она, потомок Давида, быть с этим бедняком счастлива, и не однажды грозил ей, что если она продолжит встречаться с тем, то он запрет её в комнате и не будет выпускать оттуда, пока не выветрится из её головы эта дурь. Заметив, что после того, как Мария поселилась в комнате Фамари, дочь стала спокойней, рассудительней, Иосиф решил, что со временем и с помощью Марии ему удастся убедить дочь, что работник Езор не может породниться с потомками царя Давида. Когда он решил поселить Марию в комнату к дочери, другого места просто не было, Иосиф больше всего опасался, что они не уживутся вместе, начнут ссориться. Но Мария оказалась такой смиренной, такой покладистой, уступчивой, что поссориться с Ней было невозможно. Всем Она старалась услужить, помочь, сказать доброе, ободряющее слово. Иосиф ни разу не слышал, чтобы Она о ком-то или о чём-то отозвалась с осуждением. Ему нравилось, как терпеливо учила Мария Фамарь вышиванию, такому сложному и кропотливому делу. Сам он до позднего вечера плотничал в своей мастерской, выполнял заказы назареев, делал стулья, столы, лари для зерна, шкафы для посуды, сундуки для белья и одежды.

Мария узнала о любви Фамари не от Иосифа, а от неё самой. Однажды Фамарь вернулась с улицы поздно вечером, когда уже и овцы улеглись на ночь, перестали подавать свои голоса, и собаки умолкать стали. Мария уже решила, что Фамарь осталась ночевать у своей сестры Саломии, и заперла дверь, когда услышала торопливые крадущиеся шаги босых ног, потом кто-то легонько дёрнул за ручку двери и послышался шёпот Фамари:

– Мария, открой. Это я!

Шёпот был виноватый. Мария тихонько открыла дверь,пустила Фамарь.

– Засиделась я у Саломии, – всё таким же виноватым шёпотом быстро проговорила Фамарь и направилась к своей постели.

– Не страшно было тебе ночью возвращаться? – спросила Мария. – Ночевала бы у неё.

– Ничего. На улице луна, – прошептала в ответ Фамарь. – Только ты отцу не говори, что я поздно вернулась. Ругаться будет, что я одна ночью возвращалась. Саломии выговорит...

А утром Мария услышала, как Фамарь, накрывая стол, напевает задумчиво счастливым голосом:

Милый мой бел и румян.

Кудри его черны, как ворон.

Глаза его – два голубя в молоке.

Щёки его – цветник ароматный.

Уста его – сладость, и весь он любезность...

Она не слышала, как подошла Мария и тихо спросила:

– Это Саломия вчера тебя такой песни научила?

– Нет, – засмеялась Фамарь. – Это из той книги, которую ты дала мне читать.

– В той книге не только «Песнь песней» царя Соломона, но и псалмы его отца Давида, – улыбалась понимающе Мария.

– Ты только не говори отцу, что я поздно пришла, – умоляюще попросила Фамарь.

– Но ты так больше не приходи. Это плохо для всех, – сказала Мария и, помолчав, спросила: – Если вы любите друг друга, почему он не сватается? Замуж тебе давно пора.

– Отец не желает слышать его имя? – грустно вздохнула Фамарь.

– Почему? – удивилась Мария.

– Езор беден... простой работник на винограднике...

– Разве Иосиф богат? Разве он не простой плотник? – ещё больше удивилась Мария.

– Отец не богат... Да, он плотник, – согласилась Фамарь. – Но он никогда не был батраком, не работал на других... И самое главное, он гордится, что он потомок царя Давида. А Езор сын простых людей...

– И что же? Разве это мешает вашей любви? – спросила Мария.

– Нам не мешает... но отец против. Говорит, что потомок Давида никогда не породнится с потомком батрака.

– Разве Иосиф не знает, что Давид родился в простой семье и лишь потом завоевал царство? В нашей семье были пастух Сафар и служанка Девора, они поженились и теперь очень богатые люди в Иерусалиме. Будете работать, и вы станете богатыми людьми. Почему препятствует Иосиф? Я поговорю с ним.

– Нет, нет, – испуганно воскликнула Фамарь. – Не надо, не сердь его. Потом...

– Ну, смотри...

Но вскоре Иосиф сам заговорил с Марией о дочери, сказал, что боится, что Фамарь собьётся с пути и погибнет, если не выкинет из головы дружка своего Езора. Попросил поговорить с дочерью, убедить её расстаться с ним, не искать встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.